

ВАЛЕРИЙ БИГУАА

АПСУАРА

**СТРУКТУРАЛЬНЫЙ МЕТОД
ИССЛЕДОВАНИЯ.
ПРОЕКТ**

Валерий Бигуаа

АПСУАРА
СТРУКТУРАЛЬНЫЙ МЕТОД
ИССЛЕДОВАНИЯ.
ПРОЕКТ

СУХУМ - 2009

В. Л. Бигуаа. Апсуара. Структурный метод исследования. Проект.: Сухум, 2009. – 24 с.

Специфика этнической культуры абхазов – традиционная проблема исследовательской деятельности современного этнологического абхазоведения, ибо, несмотря на срок давности работы над ней, отдельные ее стороны остаются до сих пор недостаточно освещенными. К числу таковых относится и Апсуара, беспощадно эксплуатируемая многими из нас, кто так или иначе касается ее тематики, невзирая на профессиональное право каждого (Точки зрения об Апсуара, существующие в абхазоведении, см. А.Э. Куправа, 2004, с. 141-149). Что самое главное, все мы считаем себя компетентными в четком определении Феномена. Только профессор Ш.Д. Инал-ипа, посвятивший всю свою сознательную жизнь научному изучению традиционной культуры абхазов, не осмеливался на категоричность в своих высказываниях, а лишь ограничивался разъяснениями и описаниями сути вопроса – просто по принципу талантливости: подвергать сомнению все и вся.

Чтоб расставить все точки над «і», коллектив этнологов Абхазского института гуманитарных исследований призывает абхазоведов к сотрудничеству в создании специальной монографии.

А как понимается Апсуара?

По Инал-ипа, Апсуара это форма проявления национального самосознания и самоутверждения абхазов. Апсуара – это неписаный кодекс народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах, представляющий собой систему обычаев и представлений о принципах духовного и нравственного бытия, нарушение которых «смерти подобно» [Инал-ипа, 1966, с. 21-22].

Как справедливо отмечает другой крупный исследователь системы Апсуара академик А.Э. Куправа, Ш.Д. Инал-ипа рассматривает ее здесь как область духовной сферы национальной культуры абхазов вообще [Куправа, 2004, с. 143].

Диапазон действия Апсуара, думаю, шире, чем мы привыкли слышать или читать в абхазской литературе гуманитарного направления. Апсуара представляет целую систему способов самосознания и саморегуляции, с одной стороны, и самовыражения и самодостаточности – с другой. Значит Апсуара – это система способов самосохранения и самовоспроизводства абхазского общества.

Если это так, то Апсуара – система нравственной культуры абхазов, конечно же, при понимании термина «нрав» во втором значении: обычай, уклад жизни [СРЯ, 1988].

В конструктивном отношении Апсуара состоит из ряда сфер, находящихся в строгой взаимосвязи и взаимообусловленности, одновременно играющих как интегрирующую, так и дифференцирующую роль. То есть, на первый взгляд каждый из них выступает как бы в форме самостоятельной культуры со своим полем действия и диалектического развития (культура в культуре).

В свою очередь эти сферы состоят из drobных подразделений - элементов или компонентов. А кажущаяся самостоятельность нарушается крепкой нитью переплетения, их непрерывной способностью отражаться друг в друге.

Придерживаясь мнения о духовном начале Апсуара, А.Э. Куправа приблизился к структурному методу ее рассмотрения [Куправа, 2004], который, я убежден, является единственным ключом к ее полному и основательному пониманию.

Более лаконичен и Ш.Д. Инал-ипа в другой его работе, называя Апсуара этнической спецификой абхазского народа [Инал-ипа, 1984].

Действительно, можно ли себе представить Апсуара без абхазского языка – ацсшэа – средства общения абхазов, основного этнодифференцирующего принципа вообще, на котором она мыслилась, создавалась, формировалась как система, и сейчас находится в состоянии постоянного движения, или земли абхазской – ацсуадгьыл, Ацсны, – ассоциирующейся с ограниченным пространством между горами и морем – «геи-шьхеи рыбжьара»?

Абхаз не мыслит себя, следовательно, и Апсуара вне своего места обитания. Гармонично сосуществуя с ним, он считал и себя его неотъемлемой частью. Даже насильственно депортированные во второй половине XIX столетия абхазы, т.н. махаджиры, не обосновались на предложенных им землях. Каждая община долго скиталась в поисках мест, по своим природным условиям приближавшихся к «покинутым» селениям, получившим затем те же названия, какие носили там, на родине: Цхьынара, Цабал, Цьгьарда...

Исходя из вышепредложенного структурального метода исследования, я склонен к семичастному разделению системы Апсуара:

1. Ацсуа бызшэа
2. Ацсуа дгьыл

3. Ацсуа бзазара
4. Ацсуа доуха
5. Ацсуа цаскэа (акьабзкэа)
6. Ацэгьей абзиен
7. Ахьзи ахьмызги

Не вероятно, но очевидно. Налицо совпадение системы Апсуара с сакральным представлением абхазов о числе «семь»: абжьныха, абжьшьхак, абжьымшынк, абжьџейшьцэа, быжьрабыжьцэа... Да и сам термин системы состоит из семи звуков: а-п-с-у-а-р-а.

Я умышленно не включаю в систему Апсуара производственной сферы культуры абхазов, т.к. считаю, что процесс создания, допустим, продуктов питания носит больше универсальный характер, чем этнический, хотя наблюдающейся в нем особенности имеют немаловажное значение в определении этнической культуры вообще.

Пожалуй, правы те, кто толкует Апсуара в двух смыслах: узком и широком [например, Лабахуа, 2000, с. 137], но трудно согласиться с принципом их подхода к вопросу. По моему убеждению, Апсуара в узком смысле – это соционормативная сторона Феномена, включающая в себя понятия «Ацсуа цаскэа» (Ацэгьей-абзиен) и «Ахьзи ахьмызги», в широком – плюс все остальное.

Считая Апсуара, как и большинство абхазских ученых, духовной культурой, охватывающей всю совокупность морально-этических представлений, которыми руководствуется абхаз во всех областях своей жизнедеятельности (Апсуара в узком смысле – В.Б.), первым к необходимости изучения Апсуара как системы вплотную подошел В. М. Бганба в небольшой по объему, но содержательной статье «Ацсуаразы гџаанагаракџак» («некоторые мнения об Апсуара»), помещенной в журнале «Алашара» [1998, №4]. С высокой степенью точного соответствия, он рассматривает систему не как замкнутое, рутинное, наоборот, как открытое, лабильное явление. Приведенная им в качестве примера пословица «ацсуара егьакуп, егьыџбоуп» - свидетельство тому. Именно, благодаря своей подвижности, она имеет большое будущее – «анарха амоуп», - пишет он заканчивая свои рассуждения, в которых чувствуется нота оптимизма и благожелательности к народу – создателю и носителю системы Апсуара.

Попытка системного (структурного – В.Б.) изучения Апсуара принята и А.И. Бройдо в несомненно заслуживающей внимания работе «Проявление этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг», в которой, кстати, впервые в понятийный аппарат этнологического абхазоведения введен «абхазский этос» как понятие, выражающее обобщенную характеристику абхазской этнической культуры. Применительно к духовным ценностям и нормам поведения, данный греческий термин приемлем, но узок для всей системы Апсуара, какой я ее себе представляю. Предложенные автором т.н. категории Апсуара чрезмерно многочисленны (23) и порою грешны неточностью и неверностью их толкования. Подавляющее большинство из них – всего лишь компоненты отдельных сфер системы. К тому же, «категория» как выразитель понятия «разряд явлений», в известной мере приобретающая иерархический оттенок, для анализа структурности Апсуара не в полной мере соответствует действительности. В целом, положительность подхода подобного рода очевидна.

Попытаюсь открыть скобки последующих сфер Апсуара (3-7) и, вместе с тем, высказать свои соображения по поводу принципа изложения намечаемой работы.

Ацсуа бзазара – это, с одной стороны, жизнеобеспечивающая система – пища, одежда и жилища, и семья, семейные отношения – с другой. Первую часть сферы в отдельности принято называть еще и основными элементами материальной культуры, а вместе – бытовой.

При изучении т.н. жизнеобеспечивающей системы на первый ряд должен выдвигаться, скажем, не материал, из чего делаются ее компоненты, а классификационный аспект, главным образом функциональный. Важно при этом уточнение понятийного аппарата, т.к. и в том и в другом случае ярко проявляются специфические черты. Рассмотрение вопроса жизнеобеспечения необходимо с точки зрения традиционного отношения к нему. Следует иметь в виду, что все компоненты системы жизнеобеспечения понимаются как часть национального духа, как этнический знак. Они называются не просто общими собирательными терминами, а терминами с точной этнической атрибуцией: ацсуаџны – абхазский дом, ацсуаматџа – абхазская одежда, ацсуафатџ – абхазская пища [Бигуаа, 1999, с.233-259; 2004, с. 262].

Второе подразделение «Ацсуа бзазара» – семья – атааџа – главное хранилище системы Апсуара. Логично, поэтому, что она обращает на

себя особое внимание этнологов. Структура и внутренняя организация семьи – основной объект исследования фемилистики: формы семьи, традиционное отношение (идеальность) к ее поколенному и численному составу, место и роль главы семьи (идеологическая и фактическая), взаимоотношения членов семьи с учетом возрастного ценза каждого. Далее: система воспитания детей.

В данном разделе работы уместно, по-видимому, также включение, хотя бы отдельным параграфом, системы возрастных категорий и ее социальной роли.

Ацсуа доуха в данном конкретном случае следует понимать не как «неопределенное высшее творческое начало, сверхъестественную способность всевидения и предвидения» [Инал-ипа, 1977, с. 75], а как духовную культуру, мотивирующую и стимулирующую деятельность людей. Это рациональные и эмоциональные способы познания мира [Арутюнов, Рыжкова, 2004, с. 79]: музыка, хореография, устное народное творчество, философия, религия, т.е. все, что относится к гуманитарной сфере культуры.

Хочется и, думаю, нужно остановиться на песенном и танцевальном искусстве абхазского народа, изучение которого, убежден, требует более продуктивного подхода. Об этничности абхазского песнопения никто не спорит, но и не выявлена. Кто объяснит величественность манеры абхазского песнопения, в свое время восхитившая М. Горького: как можно любить и чтить своих героев, чтоб так трогательно и громко петь о них? Необходимо также этнологическое объяснение тайны многоголосья в абхазской песенной культуре.

За исключением книги энтузиаста Ш.А. Варданиа «Ацсуа жџлар рыкџашараџа», [Варданиа, 1964], ставшей библиографической редкостью в абхазоведении, нет ни одного профессионального исследования по народной хореографии. Между тем, в мировой хореографии выработан метод записи танцев и танцевальных движений [напр. Лисицин, 1940], но в практическом применении они чрезвычайно сложны, потому этнографы, не имеющие специальной подготовки, пользуются описательным способом фиксации танца. Сущность его – в выделении мелодического рисунка и раскладки движений т.н. «па». Для большей наглядности в записи используется иллюстративный материал: графические схемы пространственной композиции танца, различные зарисовки характерных движений и т.д.

При этом следует отметить, что наиболее характерные танцы кавказских горцев, в том числе абхазов, однородны, однотипны, что объясняется не только общностью происхождения, но, не в меньшей степени, и близостью физико-географических условий мест обитания этих народов, обусловивших в свою очередь единый хозяйственно-культурный тип. Наша задача – показать свои варианты. Это одно. Другое – нужно помнить, что корни каждого движения, каждого танца уходят в тайны имитации окружающего мира, с которым была связана жизнь наших далеких предков. К такому роду относится и обязательное соблюдение танцовщиками синхронности поворотов (анахэаахэра), особенно, при парных танцах, а также круга против часовой стрелки, имеющего символическое содержание. Вопросов много.

Изучение народной хореографии этнологами имеет и практическое значение. Помимо всего прочего, оно облегчает борьбу специалистов (если они есть или будут) против формалистического трюкачества, выдумывания различного рода движений, чуждых национальному менталитету абхазов, искусственных названий танцев, типа: «крестьянский», «хуапский». Народная хореография нашего народа не делится ни по социально-иерархическому, ни по региональному, тем более, сельскому признаку, которого в природе никогда не было и нет. Другое дело – по крестьянски, по-хуапски и т.д. – в более усовершенствованном или, даже, модернизированном виде. По вкусу и уровню профессионализма постановщика.

В отношении народных сказаний абхазов, уверен, необходимо обратить внимание не столько на историю или приемы исследований предмета, сколько на характерную черту и роль каждого жанра в духовной жизни народа, как средства «проявления своего понимания возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного» [Зухба, 2007, с. 395].

Философия и религия. Не выходя за рамки своей осведомленности, отмечу следующее. В системе Апсуара, точнее в ее духовной сфере, философия – акэышра, акэыгара – мыслится в этническом аспекте, как отношение к себе и другим, к естественному, историческому развитию. О мудром необыкновенно глубоко мыслящем человеке говорили: ашьауардын ахшыы имоуп – у него орлиный ум.

Религия должна пониматься в самом широком смысле, начиная с политеических представлений, кончая христианством и исламом, с учетом их роли в повседневной жизни народа. Тем более, что многие

постулаты христианского вероучения, например, как один к одному совпадают с аналогичными ценностями системы Апсуара. Далее: календарная обрядность.

Что касается эстетики, то она, как и другие элементы духовной сферы Апсуара, играет немаловажную роль в жизни народа. Что удивительно, абхазский термин «ацэанырра», выражающий ценностные отношения к миру, понимается в точном соответствии с греческим «астетикос», подразумевающим совокупность представлений о красивом и некрасивом. И изучение проблемы должно быть с позиции этнического подхода как к одному, так и к другому понятию.

Ацсуа цаскэа – традиции – повседневные и постоянно работающие обыкновения, закономерность поведения в быту, передаваемые из поколения в поколение – наглядная сфера Апсуара. Это прежде всего этикет во всех его проявлениях и т.н. гостеприимство.

Этикет или установленный народом порядок поведения людей, проявляется во всех без исключения случаях жизни абхазов: в застолье, в верховой езде, и т.п. предприятиях. Хорошо, если занимающийся этикетом этнограф использует отдельные сюжеты из произведений абхазских мастеров слова – «Абатаа Беслан» Иуа Когониа, «Песнь о Скале» Баграта Шинкуба и др.

И, конечно же, не последнее место в сфере Ацсуа цаскэа играют формы общения. Как писал еще академик В. Бромлей, «не в одной сфере человеческой деятельности традиция не заявляет о себе так зримо, как в сфере коммуникации» [Бромлей, 1981, с. 129]. Психологически все компоненты коммуникативной стороны традиции выступают еще в виде устойчивых нравственных привычек и убеждений, всё многообразие которых подчинено более масштабным и логически обоснованным принципам поведения, типа: почитание старших, уважение женщины, скромность, благожелательность и т.д. [Бгажноков, 1983, с. 4-5]. При этом, следует иметь в виду слова известного кавказоведа, профессора Б.Х. Бгажнокова: «культура общения живыми нитями связана со всеми другими сферами культуры» [Бгажноков, 1983, с.5]. Очень важны также аспекты традиционной благожелательности – формулы приветствия, речевые стандарты и т.д. и т.п., не раз отмеченные и зарубежными этнологами.

В отношении второго компонента данной сферы Апсуара следует подчеркнуть, что отсутствие в словарном фонде абхазского языка тер-

мина «гостеприимство» отнюдь не случайно. У абхазов нет понятия «принимать или не принимать» гостя. Гость идет в гости, но никогда и ни при каких обстоятельствах не спрашивает у хозяев разрешения. Гости встречают все члены семьи как праздник: гость в абхазском доме божья благодать. Отсюда и необычное название гостиной: асасааирта – место прихода гостя [Бигуаа, 1999; 2004, с. 262].

Самое популярное и почетное в абхазской обычной, повседневной жизни словосочетание «ачеиджика» - хлебосольство – полностью перекрывает значение термина «гостеприимство», а последнее в прямом его переводе для абхаза, можно сказать, оскорбительно. Нарушение принципа ачеиджики не прощалось общественным мнением и, порою, являлось мотивом судебного разбирательства в среде своего окружения.

Ацэгъей-абзиен – фразеологизм, звучащий как «плохое хорошее», представляет обрядовую сферу Апсуара: свадебную, похоронно-поминальную и др. традиционные церемониалы, устраиваемые семьей, но, как правило, получающие большой общественный резонанс. Так, брак, по мнению абхазов, – событие чрезвычайной важности, момент перелома жизни человека и всегда ассоциируется с понятием «счастье» - анасыц [Бигуаа, 2007, с.271], поэтому является не только делом молодых и их семей, но и значительного круга людей, не находящихся с ними в родственных отношениях.

Свадебный цикл – досвадебный, предсвадебный, собственно свадебный, послесвадебный, – включая приобщение невесты к семьям родственников жениха и, наоборот – жениха к родственникам невесты, а также взаимоприглашение свойственников, полон элементов архаичности. В брачных отношениях они еще более ощутимы. Сведения о брачном возрасте, например, имеются в архивах ЗАГС-ов и в церковных книгах, оформление которых началось еще в 90-х годах XIX столетия.

В похоронно-поминальной обрядности, отличающейся наибольшей консервативностью, масса, по убеждению народа, аксиоматичных явлений, уходящих своими корнями в пласт анимистических представлений: крик женщин (ахэхэара) сразу после испускания духа умершего – своеобразный *sos*, царапанье ими своих лиц и распускание волос, манера оплакивания мужчинами покойного (агэы атасра, ахы асра), порядок прощания с ним и рассаживания горящих род-

ственников (ацъабацэа) в день похорон и др. обязательные атрибуты скорби (ацъабара), по праву придающие всей процессии характер театрализованности.

Поминальная обрядность – ацсхэра - с начала до конца, можно сказать, находится вне поля зрения этнографов, хотя в ней этничность проявляется ничуть не меньше, чем в похоронах. Значит, необходимость работы в данном направлении есть.

И, наконец, другой фразеологизм – **Ахьзи-ахьмызги**, - образованный, так же из двух слов – антонимов. Ахьз - имя – это то, что можно и нужно делать, ахьмызг – не имя – то, чего нельзя делать, это позор, за ним смерть.

Ахьдзи-ахьмыдзги – одна из трех сторон соционормативной культуры вообще, но в системе Апсуара она самостоятельна (относительно, разумеется). По большому счету – это обычное право, границы которого не может нарушить никто: «ацсуа адэы дзыкэу ахьзи-ахьмызги рзоуп» - абхаз на этой земле во имя ахьдзи-ахьмыдзги.

Ахьдз, прежде всего, служение родине и защита ее. Защитник родной земли, родного народа всегда удостоивался высокого имени «ахаца», а совершивший особый поступок – «афырхаца» - мужчина грома и молнии. Ахьмыдзг – трусость, дезертирство, предательство, а в быту – кровосмешение, даже простое нарушение института экзогамии, пререkanie со старшим и другие, не прощавшиеся народом отклонения от установленного обычаям порядка и норм семейных и общественных отношений.

Судопроизводство – аусеилыргара, – по-абхазски – это устность рассмотрения дела. Для него был характерен принцип подлинного демократизма, заключавшегося в прозрачности следствия и обсуждения всех вопросов, подлежавших разбирательству. Таким же способом оглашались прямо на судебном заседании и решения, или приговор. Тягчайшим наказанием считалось изгнание из общины – ақыталцара – и лишение родового имени - ажэлахыхра. Человек, которому выпала такая тяжелая участь, не мог оставаться в родном селении, в чужом – попадал в рабство и назывался «ацсы» - мертвец или, в лучшем случае, «цсым-бзам» - ни живой, ни мертвый. Устность судопроизводства у абхазов была своеобразной школой, где молодые люди учились ораторскому искусству, высоко ценившемуся в абхазском традиционном обществе. Вот, о чем, приблизительно, должна идти речь в соответствующем разделе работы об Апсуаре.

Теперь о том, что выше отмечалось.

Все сферы Апсуара не обособлены, наоборот, находятся в состоянии взаимопересечения и взаимодействия.

Чтобы не обвинили меня в голословности, приведу хоть один, наиболее доступный для всех нас пример – дом – аҟны. Дом наряду с пищей и одеждой – основных элементов жизнеобеспечивающей системы, входит в сферу Апсуа бзазара. Это значит, что с позиции его функциональной значимости, дом – строение для жилья, встречающееся в виде амацурты, асасаирты и аганюны, т.е. место обслуживания, гостиной и жилища для большой семьи. Остальные способы классификации, допустим, по форме, ни столь существенны для системы Апсуара. Обычаи, связанные с выбором места строительства жилища, представления о его покровительствующей силе, моление, устраиваемое за благополучие тех, кто в нем живет или будет жить, и другие действия относятся к Апсуа цаскуа. Художественное оформление дома, особенно его фасадной стороны, а также мифологические предания, поговорки и др. жанры устного творчества народа, связанные с домом, – принадлежность сферы Апсуа доуха. Устраиваемой в доме и его дворе обрядностью – свадебной, похоронной и др. – он входит в сферу Ацгеи – абзиеи. Защита чести дома, порядок его раздела при сегментации семьи и др. акты обычного права находятся в сфере Ахдзи-ахмыдзги. Я не привожу примеров о связях дома со сферами Апсуа бызша и Апсадгил, поскольку, комментарии здесь не обязательны. Вышеприведенные термины не ставят под сомнения их принадлежность абхазскому лингвистическому миру. Тем не менее, несколько слов о взаимосвязях этих сфер.

Несомненно, особенности экологической ниши земли абхазской [об этом см. Дбар, 2007, с. 12-22] не могли не оказать самого непосредственного влияния на «жизнь» абхазского языка, обслуживающего систему Апсуара. В этой связи, при написании предлагаемой монографии следует иметь в виду, что в языкознании есть теория языковой относительности, которая заключается в том, что мышление и поведение человека определяются особенностями языка, на котором говорит и думает он [Сепир Э., 2001, с. 223-247]. Поэтому, наряду с лингвистическими сведениями – морфологией, синтаксисом и пр. разделами грамматики, важно объяснение типологической структуры абхазского языка [об этом см. Чирикба, 2007, с. 23-38]. Ведь абхазский язык признан одним из

сложных агглютинативных языков. Чем же объясняется его сложность? Архаикой традиционного уклада жизни абхазов, сохранившегося в своей пережиточной форме вплоть до сегодняшнего дня.

Движущая сила системы Апсуара – аламыс. В словаре абхазского языка он толкуется как «совесть» [САЯ, 1986]. Но в абхазском обществе «аламыс» понимается в более широком смысле, шире даже, чем его этимон «намус» – означающий честь. Вернее, говоря словами А. Э. Куправа, аламыс имеет вполне конкретное этническое содержание [Куправа, 2004, с. 150], отсюда и Апсуа ламыс – абхазская совесть, который Ш.Д. Инал-ипа называет термином общенародной чести и совести [Инал-ипа, 1970].

Примерно таково мнение и у Я.В. Чеснова: «Аламыс в самом широком смысле означает нравственное и престижное поведение личности, проявляющий себя в тех или иных поступках» [Чеснов, 1984, с.107]. Апсуаламыс мыслится как совокупность трех понятий: честь, совесть и мораль. Подтверждение тому – язык, в котором масса изречений: ацсуа ицсырта – иламысоуп – место смерти абхаза – в его аламысе и т.п. постулаты высших чувств мироощущения. Другими словами, вся система Апсуара пропитана апсуаламысом, играющим в то же время и аксиальную роль: лырас иамоуп.

Нередко в качестве синонима «апсуаламыс» употребляется и словосочетание «ацсуашья» – абхазская кровь – образец этнической идентичности абхазов.

Можно было поставить здесь точку, но, увы, прошлое – это еще не развившееся будущее. Значит необходимо поговорить и о настоящем состоянии Системы, с учетом тенденции ее дальнейшего развития. Тем более это важно, когда абхазский народ строит кровью завоеванное национальное государство демократического типа, в котором Апсуара должна играть осевую роль, точно так же, как Апсуаламыс в самой Системе.

Что нас двигает в направлении системы Апсуара, ностальгия? Ностальгия тоже. Это с одной стороны. С другой – мы знаем, что в мире есть довольно успешные цивилизации, в основе которых национальная культура.

Сохранение системы Апсуара, способной шагать в ногу с современными реалиями, находится в прямой зависимости от состояния трех объективных факторов: демографии, языка, земли, отношения к которым должны быть существенно пересмотрены.

**СТРУКТУРНО-СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
СИСТЕМЫ АПСУАРА**

Система	Сфера	Компонент	Предмет
А	Апсшәа – абхазский язык (языковая культура)	1. Типологический аспект 2. Лингвистический аспект	Общие сведения фонетика, морфология, синтаксис
Ц	Апсуадгьыл, Апсны – абхазская земля, Абхазия (этно-экологическая культура)	1. Окружающая природа 2. Климат	ландшафт, флора, фауна горный, морской
С	Апсуа бзазара - абхазский быт (бытовая культура)	1. Жизнеобеспечивающая система 2. Семья и семейный быт	пища, одежда, жилища. структура, внутренняя организация, воспитание детей.
У	Апсуа доуха – абхазская духовность (духовная культура)	1. Искусство 2. Устное народное творчество 3. Философия 4. Религия 5. Эстетика	песни, танцы Нартский эпос, Абырскил и др. представления о природе, истории и т.д. политеизм, монотеизм, календарь. красота и безобразность.

А	Апсуа цасқәа – абхазские традиции (поведенческая культура)	1. Этикет 2. Ачеиджика	застольный, всаднический и др. хлебосольство, гостеприимство
Р	Ацәгьей-абзиеи – хорошее – плохое (обрядовая культура)	1. Свадебная обрядность 2. Похоронно-поминальная обрядность	досвадебная, предсвадебная, свадебная, послесвадебная. допохоронная, похоронная, послепохоронная. Поминки: 9 дней, 40 дней (у мусульман 52), годовщина.
А	Ахьзи – ахьмызги - имя – не имя (правовая культура)	1. Слава 2. Позор	месть, защита справедливости, родины. трусость, нарушение принципа ачеиджика, кровосмешение, дезертирство, предательство

1. Изменение демографической ситуации возможно только тогда, когда роженица получит твердую гарантию социально-экономической защиты. За примером не надо ходить далеко, рядом Великая Россия, которая успешно решает вопрос детности. Но, конечно же, ее возможности не сопоставимы с нашими, однако нет безвыходного положения: «закрой тысячу дверей, открою тысячу первую». Это первая сторона медали, вторая – проблема репатриации, архиважность которой не вызывает сомнения. Нам нужен людской ресурс, которому под силу поднять Апсуара на более высокую ступень.

Тяжело было предкам наших заморских братьев расстаться с отчей землей, но нелегко и им самим сняться с чужбины, где они родились, выросли и добились определенных жизненных успехов. Зачем греха таить, человеческая природа неизменна. Все зависит от степени привлекательности нашего государства, правда находящегося еще в младенческом возрасте. Между тем, соответствующие службы по репатриации не сидят сложа руки, есть у них определенные сдвиги, в виде одиночного решения вопроса. А так, готовы ли мы сами к массовому возвращению братьев? Думается нет. Разумеется не по субъективным причинам, а объективным.

2. Поднятие престижа абхазского языка как государственного в ранг основного средства общения граждан Абхазии в обозримом будущем должно быть проблемой проблем государства (раз он государственный). Оно возможно только в том случае, если государство примет вынужденные меры (как бы они не вписывались в повороты), заключающиеся во всевозможном поднятии стимула лицам, работающим на абхазском языке: педагогам, писателям, ученым. Таков, как известно, статус государственного языка в ряде стран (напр. Ирландия). К тому же, согласно закону о государственном языке, для руководителя любого ранга абхазский язык, с истечением определенного времени, должен стать языком делопроизводства. Основа языковой политики – реформирование образовательного стандарта в пользу языка государствообразующего народа, во главе которого должен быть профессионал, а не некий управленец. Другого варианта нет и быть не может.

3. «Время, в котором мы стоим», требует от нас особого обращения к родной земле, на которой мы живем и строим цивилизованное государство, способное защитить свой народ как этнос. Нелегальное лечение своей финансовой болезни за счет земельных участков, осуществляемое отдельными гражданами Абхазии, рано или поздно может привести народ к очередной трагедии – национальному дисбалансу, ущербному для коренного населения, абхазов. Надо таким людям напомнить, что земля у нас, еще со времен советов, национализирована, она не продается и не покупается. Нарушение земельного кодекса должно приравняться предательству, а по нормам Апсоуара – ахьмыдзгу, со всеми вытекающими из этого понятия последствиями. Между понятием «бережное отношение к земле» и порядком получения граж-

данства можно ставить знак равенства. Поэтому нужен защитный механизм. Мне кажется, что им может быть государственный язык, без знания которого ни один иностранец (за редчайшим исключением) не может получить гражданство, следовательно, и недвижимость (вынужденная мера), как это делается в некоторых государствах.

Теперь о взаимоотношениях традиции и современности в системе Апсоуара. Этот вопрос волнует всех, маломальски думающих о завтрашнем дне. Как писал еще в начале семидесятых годов прошлого столетия Ш.Д. Инал-ипа, «надо понимать и ценить веками создававшиеся положительные нравы и обычаи горцев. Но это отнюдь не должно заслонять задачу активной организации работы по исправлению недостатков общественной и частной жизни» (Инал-ипа, 1973, с. 3).

Многие из нас бьют тревогу: принципы Апсоуара искажаются, исчезают! Проблемы есть, но нет основания для чрезвычайного волнения. Если достаточно то, что говорилось выше о демографической, языковой и земельной ситуации, то можно считать, что идет обычный процесс видоизменения оболочки системы Апсоуара, а сердцевина, слава богу, в целостности и сохранности.

То же «время, в котором мы стоим», – скоростная машина, которая способна двигаться только по благоустроенной дороге. Привычная нам, людям старшего поколения, тропа лишь для пешеходов. По ней ехать не только трудно, но и опасно, если даже не разобьемся, то наломаем много дров.

Проблемы, имеющиеся в Апсоуаре, распределяются неравномерно. В одних сферах системы они больше ощутимы, в других – меньше. В неустойчивом состоянии – некоторые стороны соционормативной культуры, т.е. Апсоуары в узком смысле этого понятия: поведенческая, обрядовая и правовая.

В отношении же первой части бытовой сферы (Апсоуа бзазара) например, мы спокойны, примирились с тем, что есть, а в некоторых случаях и гордимся.

Пища почти законсервированный элемент жизнеобеспечивающей системы. Жилища на пути модернизации с сохранением основных традиционных форм. Отдельные факты строительства домов западного типа не влияют на лицо материального быта, превосходство традиционных – очевидно.

Одежда — исключение. Национальный женский костюм ушел в небытие, мужской — пока жив, но только в виде отдельных его элементов: папахи, пояса и др., в сочетании с современной формой. Разговор о полном возрождении национальной одежды, скорее всего из области фантастики. В условиях отсутствия какого бы то ни было предприятия, занимающегося ею, она — слишком дорогое удовольствие.

Что касается семьи — другой части бытовой культуры, — то в ней не могли не произойти изменения по той простой причине, что она всегда адекватно, или почти адекватно, реагирует на эпоху времени. Структура семьи движется в сторону сокращения как поколенного, так численного состава. О причине и способах выпрямления проблемы последнего явления уже говорилось выше. Это — детность и ее защита. Сокращению численного состава семьи способствует еще и усилившийся в послевоенное время процесс урбанизации. И, как следствие всего этого, упрощается также внутренняя организация семьи, но не исчезает. Регламентированность отношений членов семьи, основанная на системе возрастных категорий, минимизируется. Минимизируется также и обычай избегания и связанная с ним табуация имен до уровня отношений свойственников первого порядка.

На современном состоянии духовной сферы Апсуара я остановился уже в основной части работы — проекте структурального метода исследования проблемы, — поэтому позволю себе высказать мнение о соционормативной культуре или Апсуаре в узком смысле. Скажу сразу: если взвесить все «за» и «против», то, безусловно, в ней плюсов больше, чем минусов. Начнем со свадьбы — основного торжества обрядовой сферы Апсуара.

Ну и что из того, что на свадьбе делаются денежные подношения? Они делались и в прошлом во время смотрин — атацабара, правда, без записи (раньше не было грамоты), в виде «цены открытия лица» невесты — аҭыхтыцса, как бы в помощь молодой семье. Наиболее близкие родственники или друзья пригоняли и крупную рогатую скотину — ахаршә. В условиях сельского общежития этот элемент может иметь место и сегодня. Форма денежного подношения — да, не годится, поскольку оно происходит в основном в специально отведенном для этого месте в отсутствие невесты. А так, против своеобразного обычая взаимопомощи (ути-сыти еишьтоуп) не надо бороться. Бороться надо против безразмерности самой свадьбы, на которую приглашаются до

тысячи человек, иногда и больше. Второе — это «эстрадное обозрение», по существу превращающее торжество в предприятие общественного питания, где много шума и головокружения от надрывной музыки, под которую устраиваются бальные танцы. Они оттесняют красивые, традиционные формы развлечения, каковыми являлись не только песни и танцы, но и завуалированные соревнования по красноречию.

Вызывает недовольство и одеяние жениха и невесты, бросающееся в глаза чрезмерностью европеизации. Разве национальная одежда не придаст эффекта свадебному торжеству? Вспомним слова Константина Федина, описавшего в 1935 году одного крестьянина, — участника очередного советского праздника в Ереване: «Большой, стройный в белом башлыке, в бурке... Коричневая черкеска туго обтягивала абхаза, патронташ на груди готов был лопнуть, он снял и повесил к бурке кинжал в серебре и пояс. Он казался мне слепком с самого себя... Занял место в ряду других делегатов, его сверкающий башлык, завязанный по праздничному пышно и замысловато, был виден из всех уголков театра» (Федин, 1959, с. 313-314).

Нельзя не отметить с досадой и вхождение в свадебное торжество чуждого для абхазской манеры поведения некоторого злоупотребления алкогольными напитками — аҭаршьра. Можно позавидовать нашим предкам, отличавшимся издревле сдержанностью, когда читаешь о их нравах: «вина туземцы выделывают много, потому что они большие любители этого напитка и пьют его много в особенности в гостях. Но пьянство здесь совершенно не известно, и считается крайне не приличным для мужчины (не говоря уже о женщинах — В.Б.) быть на веселе и вообще выказывать какие бы то ни было признаки опьянения» (Альбов, 1893, вып. III., с. 315).

В основном, как уже было отмечено, свадьба сохраняет свой остов, свою традиционную конструкцию. Поэтому нет смысла говорить о каких-то сценариях, над которыми зря ломали свои головы раньше многие идеологизированные этнографы. Традиции, которые уходят со сцены, отнюдь не надуманные явления, их оттесняет само время, а новшества, если, конечно, не идут вразрез с национальными ценностями культуры, имеют право на существование как порожденные реальной жизнью общества нашего.

Новшества с резко отрицательными оттенками имеют место и в похоронно-поминальной обрядности, стало быть, наиболее устойчи-

вой стороны сферы Ацэгъеи-абзиеи. Прежде всего это растянутасть дней справления поминальной тризны о покоем умершего. Во-первых, по традиции умерший покоем в доме не более трех суток, о чем говорит и терминология: ахахыме - дрова на три ночи. А угощение устраивалось только после похорон. Стыдно и грешно говорить тосты за тех, кто за черным столом, тем более – стоя. Исключение – ближайшие родственники покойного (тоже сидя).

Если строго подойти к правовой сфере Апсуара, то прежде всего следует вести речь о молодых людях, увлекающихся наркотическими веществами и нарушающих правила уличного движения, тем самым, не уважающих и не щадящих ни себя, ни других. Это бич абхазской нации, и в первом, и втором значении этого слова, (см. СРЯ, с.19) если не хлестче. Ведь, правило уличного движения – это своего рода всаднический этикет, отход от норм которого строго пресекался общественным мнением. Следовательно, в таких случаях должны заработать всевозможные рычаги правовой сферы Апсуара - Ахъзи-ахъмызги: отец должен отвечать за сына!

Нужен ограничитель! Им может и должна быть местная власть, на территории которой справляется, скажем, та или иная обрядность. Но для того, чтобы местная власть взяла в свои руки бразды управления, необходимо создать такие условия, которые не позволяют руководителю не дорожить своим местом работы. А это напрямую связано с вопросом его финансирования.

Конечно же, я не претендую на смелость и способность ответить на все вопросы, выдвигаемые современным состоянием системы Апсуара. Это прерогатива общества.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альбов Н. А. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС. С-пб. Цит. по Бигуаа 1983.
- Арутюнов С. А., Ржкова С.И. Культурная антропология. Москва, 2004.
- Бганба В. Апсуаразы гџаанагарақџак // Алашара №4. Акџа, 1998.
- Бигуаа В. Л. Жизнеобеспечивающая система абхазов. Этническая специфика и современная действительность // Сборник научных трудов АГУ. Сухум, 2000.
- Бигуаа В. Л. Жизнеобеспечивающая система абхазов: Традиции и современная действительность // Этноэкологические исследования. Москва, 2004.
- Бигуаа В. Л. Образ жизни абхазских долгожителей. Тбилиси, 1988.
- Бигуаа В. Л. Семья и семейный быт // Абхазы. Москва, 2007.
- Бигуаа В. Л. (Бигвава) Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.
- Бройдо А. И. Проявление этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Москва, 2008.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Москва, 1981.
- Вардания Ш. А. Апсуа жџалар рықџашарақџа. Акџа, 1964.
- Дбар Р. С. Природно-экологические условия этнокультурного развития // Абхазы. Москва, 2007.
- Зухба С. Л. Народное поэтическое творчество // Абхазы. Москва, 2007.
- Инал-ипа Ш. Д. К изучению абхазского народного кодекса «Апсуара» // Абаза, №2. 1966.
- Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум, 1977.
- Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
- Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми, 1970.
- Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2004.
- Лабахуа М. А. К вопросу об апсуара // Сборник научных трудов АГУ. Сухум, 2000.
- Лисициан С. Запись движений (кинетोगрафия). Москва, 1940.

- САЯ. Словарь абхазского языка. Сухуми, 1986.
 СРЯ. Словарь русского языка. Москва, 1988.
 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 2001.
 Федин Константин. Собранные сочинения. Т1. Москва, 1959. Цит. по Инал-ипа, 1973.
 Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // Полевые исследования Института этнографии. Москва, 1984.
 Чирикба В. А. Абхазский язык // Абхазы. Москва, 2007.

Валерий Бигуаа

АПСУАРА
 СТРУКТУРАЛЬНЫЙ МЕТОД
 ИССЛЕДОВАНИЯ.
 ПРОЕКТ

Формат 60x84/16. Тираж 1000. Физ. печ. лист 1,5.
Услов. печ. лист 1,4. Заказ № 33.

Республика Абхазия, ГПП «Дом печати»,
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

